ТАЙНА ТИТАНИКА

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ ПОМНИТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛЮДИ..

КНИГА ПЕРВАЯ

МАРИ ЛЮМЬЕР

18+

Мари Люмьер

Тайна Титаника

«Автор»
2026

Люмьер М.

Тайна Титаника / М. Люмьер — «Автор», 2026

Писательница Элоиза Мерсье выходит из парижского кафе под дождём — и через мгновение стоит на пристани Шербура в платье 1912 года. В руке билет первого класса на «Титаник». Рядом рыжий кот Луи, который умеет говорить и явно знает больше, чем признаётся.На борту её ждёт загадочный незнакомец без имени. Он не помнит, кто он. Но его руки помнят, сколько сахара она кладёт в кофе. Таинственные приглашения подписаны одной буквой — «А». Брошь на её груди хранит секрет, который может спасти любовь или повторить старую ошибку.До столкновения с айсбергом — четыре дня. Элоиза знает, что корабль обречён. Но не знает, сможет ли на этот раз удержать того, кого уже однажды потеряла.Роман о любви сквозь время, памяти сердца и одном очень мудром коте.

© Люмьер М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение 6
Глава 2. Правила приличия 13
Глава 3. Столик № 7 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Мари Люмьер
Тайна Титаника

Тайна Титаника
Мари Люмьер

Глава 1. Пробуждение

В Париже шёл дождь, и Элоиза в третий раз за день написала одну и ту же фразу.

«Она не помнила, когда видела его впервые».

Фраза была хорошая. Элоиза знала это так же точно, как и то, что дальше ничего не будет. Дальше был белый экран, мигающий курсор и кофе, остывший полчаса назад. Роман, обещанный издательству к лету, вторую неделю стоял на этой строчке, как поезд у закрытого семафора. Героиня не помнила, когда видела его впервые. Элоиза не помнила, зачем вообще взялась за эту книгу.

Кафе было маленькое, на углу улицы, сбегавшей к Сене. Мокрые зонты у входа, запах корицы, радио под стойкой бормотало что-то о пробках на кольцевой. Фары за окном расплывались по стеклу жёлтыми пятнами. Элоиза любила это кафе за то, что здесь никто ни о чём не спрашивал.

Телефон у чашки засветился: сообщение от редактора. Элоиза перевернула его экраном вниз.

Когда она подняла глаза, на подоконнике рядом с её столиком сидел кот.

Огромный, рыжий, полосатый и пушистый до неприличия. Белая морда, белые лапы, аккуратно составленные вместе, и на лбу маленькое белое пятнышко, словно кто-то обронил на него монетку. С шерсти капало, но кот держался так, будто промок исключительно по собственному желанию.

Глаза у кота были ярко-голубые. Он смотрел на Элоизу спокойно и пристально, как на опоздавшую, которая даже не извинилась.

Элоиза огляделась. Официантка протирала бокалы. Пожилой мужчина у окна читал газету. На кота никто не обращал внимания.

— Ты чей? — спросила она вполголоса.

Кот медленно моргнул.

— Этот вопрос, — сказал он, — я задал бы тебе.

Голос был негромкий, сухой, чуть ленивый. Сам кот не шевельнулся, только кончик хвоста дёрнулся. Пасть у него при этом не открывалась.

Элоиза не закричала. Она вообще редко кричала. Она была из тех, кто в любой непонятной ситуации сначала делает вежливое лицо, а потом, дома, долго сидит на краю ванны. Сейчас она сделала вежливое лицо.

— Прошу прощения?

— Ты пьёшь кофе без сахара, — сказал кот. — А раньше клала два куска. Говорила, что жизнь и так достаточно горькая.

Что-то мелькнуло и ушло на глубину, как рыба под тёмной водой. Два белых кубика. Серебряные щипцы. Чья-то рука пододвигает сахарницу…

И всё.

— Мы знакомы? — спросила Элоиза.

Кот посмотрел на неё с сожалением.

— Немного. Луи. Луи де Шатон. «Де» — по праву, а не для красоты.

— Луи, — повторила она.

Имя выговорилось легко, привычно, будто она звала его каждый день. Это было хуже, чем говорящий кот.

— Откуда я тебя знаю?

— А ты знаешь? — Луи чуть наклонил голову. — Любопытно. Лицо у тебя знакомое. Характер — определённо. А вот обстоятельства… — Он дёрнул ухом, стряхивая каплю. — Обстоятельства вечно теряются. Как перчатки.

Он лгал — Элоиза не смогла бы объяснить, откуда ей это известно. Кот помнил гораздо больше, чем говорил, и спрашивать было бесполезно: такие отвечают, когда сами решат.

— Ладно, — сказала она. — Допустим. Чего ты хочешь?

Луи покосился на её тарелку, где лежала половинка круассана.

— Для начала вот это. А потом пройтись. У тебя такое лицо, будто ты неделю не видела неба.

— Там дождь.

— Дождь — это тоже небо. Просто в плохом настроении.

Почему она пошла, Элоиза так и не поняла. Строчка про «него» всё равно не двигалась, а спорить с говорящим котом было глупо. И ещё — у двери, когда она надела плащ, Луи спрыгнул с подоконника и на ходу задел её лодыжку боком. Кошки так здороваются со своими.

У неё почему-то защипало в глазах.

Они шли к реке. Луи бежал впереди, ловко обходя лужи, иногда останавливался и оглядывался. Прохожие под зонтами его не замечали. В Париже вообще не замечают кошек — их слишком много, и у всех свои дела.

— Куда мы идём? — спросила Элоиза.

— Вперёд, — сказал Луи, не оборачиваясь.

— Это не ответ.

— Это самый честный ответ из всех, что я знаю.

Набережная была пуста. Букинисты заперли свои зелёные ящики, по серой Сене ползла баржа, дождь рисовал на воде круги. На том берегу зазвонил колокол, медленно, с долгими паузами. Элоиза машинально стала считать. Три. Четыре. Пять.

По реке прогудел теплоход, низко и протяжно.

Шесть.

Гудок не кончался.

Он густел и опускался всё ниже, пока не заполнил набережную, небо и грудную клетку, будто кто-то провёл смычком по рёбрам. Дождь остановился. Капли повисли в воздухе. Свет стал холодным и ровным, как от экрана в тёмной комнате. Потом было стекло, много стекла, и за ним огни. Потом голос — мужской, чуть хрипловатый, у самого уха:

— Не отпускай.

Элоиза не знала, что нельзя отпускать. Она просто сжала пальцы.

Первым вернулся запах.

Соль, водоросли, угольный дым, мокрое дерево. Потом крики чаек. Потом голоса — много голосов, французский, английский и ещё какой-то язык, — стук копыт по камню, скрип колёс. И где-то рядом всё тот же гудок, только другой: короткий, деловитый.

Элоиза открыла глаза.

Она стояла на каменной пристани. Вечерело. Небо над гаванью начинало лиловеть. У причала покачивался небольшой пароход с одной высокой трубой, и по сходням на него поднимались люди.

Какие люди.

Мужчины в длинных пальто, в котелках и цилиндрах, с тростями. Женщины в юбках до земли и в шляпах, похожих на клумбы: перья, ленты, шёлковые розы. Носильщики в фуражках катили тележки с кофрами, перехваченными ремнями. Девочка в матросском платье держала за руку няню и не сводила глаз с чаек. Над всем этим возвышалось здание вокзала с большими часами на фасаде. Без двадцати семь.

Элоиза посмотрела на себя.

Кремовая юбка до щиколоток. Приталенный жакет, высокий кружевной воротник, упирающийся в подбородок. Перчатки. Коричневые ботинки на пуговках. В руке маленькая кожаная сумочка с металлическим замком — вот что, оказывается, она сжимала. На голове, судя

по тяжести и по тому, как ветер пытался её сорвать, была шляпа. Большая. Под жакетом был корсет — настоящий, — и дышать получалось только верхом груди.

Плаща не было. Зонта, телефона, ноутбука с недописанной строчкой — тоже. Была пристань, чайки и запах угля.

Рука сама потянулась к бедру, где обычно лежал телефон. Пальцы скользнули по шёлку. Кармана не было.

— Если ищешь ту светящуюся штуку, — раздалось у её ног, — то её ещё не придумали. Не хлопай себя по бокам. Со стороны похоже на блох.

Луи сидел на мокрых камнях, обернув хвост вокруг белых лап. Шерсть у него была сухая. На пароход он смотрел с глубочайшим неодобрением.

— Где мы? — спросила Элоиза.

Голос, как ни странно, не дрогнул.

— Во Франции, — сказал Луи. — Можешь выдохнуть. Насколько это возможно в корсете.

— Где именно?

— В Шербуре.

— А когда?

Кот не ответил. Мимо прошёл носильщик и мельком глянул на Элоизу с почтительным равнодушием, которое здесь полагалось хорошо одетой даме.

Элоиза щёлкнула замком сумочки.

Запасные перчатки, кошелёк, вышитый платок и плотный конверт. В конверте лежал сложенный вдвое лист. В углу — красный раздвоенный флажок, как ласточкин хвост, с белой звездой посередине. Под ним тонкие печатные буквы:

White Star Line
Первый класс
Шербур — Нью-Йорк
10 апреля 1912 г.
Мадемуазель Э. Мерсье

И ниже, отдельной строкой, крупнее:

R.M.S. «Titanic»

Её фамилия. Настоящая, парижская. Кто-то, покупая этот билет, знал, как её зовут.

«Титаник», — прочла Элоиза. Это имя знали все, и она тоже — она была уверена, что знает о нём что-то важное. Но на том месте было пусто, как на полке, с которой убрали книгу и стёрли пыль.

Она сложила билет и убрала в конверт. Руки почти не дрожали.

— Луи. Как мы сюда попали?

— Пешком. Ты шла за мной, я шёл вперёд.

— Луи.

Кот посмотрел на неё снизу вверх, и Элоиза впервые увидела в голубых глазах растерянность. Такую же, как у неё.

— Я не знаю, зачем мы здесь, — сказал он тише. — Правда. Кое-что знаю. Но не это.

Пароход коротко прогудел. Люди на сходнях заторопились.

— Это только тендер, — сказал Луи, поднимаясь. — Катер. Отвезёт нас на рейд, большой корабль в гавань не помещается. Идём. Здесь дует, а у меня нежная шерсть.

Он направился к сходням, высоко подняв хвост. Элоиза подобрала юбку — оказалось, это целое искусство — и пошла следом.

У самых сходен Луи встал как вкопанный, и она чуть не наступила ему на хвост.

— Что такое?

Кот не ответил. Он смотрел на щель между камнями у края причала, где стояла мутная лужица. Осторожно тронул что-то в воде белой лапой. Ещё раз. Отдёрнул, брезгливо потряс лапой и сел, глядя на Элоизу. Ждал.

Она наклонилась.

В лужице лежала брошь.

Крупная, почти с ладонь. В золотом ободке — выпуклый сине-зелёный камень под стеклом, цвета вечерней гавани, с золотыми искрами в глубине. Поверх камня — золотая буква «А» с чёткими засечками, как на старинной печати. Вокруг ажурная оправа: завитки, лепестки, крошечные золотые шарики, а сверху и снизу острые навершия, как у кованой решётки. В каждом сидел маленький прозрачный камень и ловил последний свет.

Старая вещь. Кто-то её очень любил и почему-то потерял — здесь, сейчас, у самых сходен.

Элоиза подняла брошь.

Вода в лужице была ледяная, а брошь — тёплая изнутри, как птица в ладони. И тяжелее, чем следовало. Капли сбежали со стекла, и сине-зелёная глубина под буквой на миг качнулась, как настоящая вода.

Элоиза огляделась. Никто не искал пропажу, никто не смотрел под ноги. Люди поднимались по сходням, смеялись, стряхивали с плеч сырость.

— Надо её кому-нибудь отдать, — сказала Элоиза. — Кто-то обронил.

— Надо, — согласился Луи.

Она не двинулась с места.

Она знала эту брошь — как щёлкает застёжка, что верхний камешек сидит чуть криво, что на обороте, под булавкой, есть крошечная царапина.

Она перевернула брошь.

Царапина была.

— Луи, — сказала она очень тихо. — Чья это вещь?

Кот медленно моргнул.

— Похоже, теперь твоя.

Элоиза приколола брошь к лацкану, над сердцем. Застёжка щёлкнула ровно так, как она ждала. На мгновение всё вокруг стало резким, до последней заклёпки на сходнях.

Потом снова загудел тендер, и это прошло.

Тендер назывался «Номадик» — Элоиза прочла название на спасательном круге и почему-то запомнила. Внутри было тесно, тепло и нарядно: деревянные панели, бархатные скамьи, латунные поручни. Люди переговаривались вполголоса, как в театре перед поднятием занавеса. Луи устроился на скамье рядом с Элоизой так, будто купил на неё отдельный билет.

Дама в меховой накидке напротив с интересом на него посмотрела.

— Какой великолепный кот, — сказала она по-французски. — Ваш, мадемуазель?

Элоиза открыла рот и поняла, что не знает, что ответить.

— Мы путешествуем вместе.

— Мяу, — сказал Луи самым обычным кошачьим голосом.

Дама умилилась. Элоиза посмотрела на кота. Кот смотрел в окно с самым невинным видом, будто не понял ни слова.

Тендер отвалил от причала. Назад поплыли вокзал с часами, фонари — их как раз начинали зажигать, — мокрые крыши. Вода за бортом стала серой, потом почти чёрной. Элоиза смотрела на неё и заставляла себя дышать ровно.

Ты писательница, сказала она себе. Не понимаешь, что происходит, — описывай. Это всегда помогало.

Вода как старое олово. Небо цвета выцветших чернил. Ветер пахнет солью и углём. Женщина напротив крутит на пальце обручальное кольцо и смотрит в одну точку. Мальчик в коротких штанишках прижался носом к стеклу. Седоусый мужчина читает газету.

Понемногу это помогло.

Потом тендер обогнул волнорез, и в салоне стало тихо.

На рейде стоял корабль.

Хотя назвать его кораблём язык не поворачивался. Это был город, поставленный на воду. Он поднимался из темноты отвесной стеной, и вдоль неё ряд над рядом горели сотни огней — ровными жёлтыми строчками, как текст в раскрытой книге. Выше белели надстройки, а над ними уходили в небо трубы, огромные, невозможные. Элоиза насчитала четыре.

Кто-то рядом тихо ахнул. Мальчик у окна застыл с открытым ртом.

Элоиза смотрела, и все слова, которыми она только что описывала воду и небо, кончились.

«Титаник», — подумала она. Теперь понятно, почему его так назвали.

Брошь на лацкане стала чуть теплее. Или показалось.

— Луи, — сказала она почти беззвучно. — Почему именно сюда? На этот корабль?

Кот не шелохнулся. В голубых глазах отражались две крошечные россыпи огней. Он долго смотрел на корабль — настороженно, без всякого восхищения.

— Не знаю, — сказал он так тихо, что услышала только она.

— Но он тебе не нравится.

— Я на краю крыши могу остановиться в последний миг. Эта махина — нет. — И тут же, словно спохватившись: — Зато я знаю, что хочу есть. И что кухня здесь, говорят, прекрасная. Больше пока ничего утверждать не готов.

Высаживали через дверь прямо в борту — огромную, распахнутую, залитую жёлтым светом. Матросы подавали дамам руки. Элоиза оперлась на чью-то твёрдую ладонь, перешагнула полоску чёрной воды — и оказалась внутри.

Там было светло, тепло и пахло свежей краской, лаком и лилиями. Белые стены, резное дерево, начищенная латунь. Где-то играл струнный квартет, что-то лёгкое, похожее на вальс. Люди смеялись, отдавали стюардам пальто и выглядели как люди, у которых в жизни всё складывается.

Молодой стюард в белой куртке, почти мальчик, веснушчатый и очень старательный, поклонился и взял у Элоизы билет.

— Мадемуазель Мерсье, — прочёл он с сильным английским акцентом и улыбнулся. — Добро пожаловать на борт. Ваша каюта готова.

Он посмотрел на Луи. Луи посмотрел на него.

— Кот тоже… с вами, мадемуазель?

— Кот тоже.

— Разумеется, — сказал стюард. По лицу было видно, что про котов в его инструкциях ничего не сказано и рисковать он не станет. — Сюда, пожалуйста.

Они шли длинным белым коридором мимо одинаковых дверей с латунными номерами. Пол едва ощутимо подрагивал. Где-то глубоко внизу работали машины.

У лестницы, на повороте, стоял мужчина.

Сначала Элоиза почувствовала взгляд, как чувствуют сквозняк из приоткрытой двери. Потом подняла глаза.

Ему было около сорока. Тёмные волосы зачёсаны назад, резкие черты, серые глаза. Твидовое пальто в ёлочку, под ним костюм-тройка, белый воротничок, золотая цепочка часов. Он опирался на трость с латунным набалдашником и стоял совершенно неподвижно. Он ждал и даже не пытался это скрыть.

Он не посторонился и не поклонился, хотя здесь кланялись все. Он смотрел на кота.

Луи, поравнявшись с ним, не замедлил шага и не повернул головы. Только хвост, до того весело задранный, медленно опустился и лёг почти по полу. Элоиза видела такое у кошек всего несколько раз в жизни, и ни разу — к добру.

Серые глаза на мгновение скользнули к ней — к лицу, к броши — и вернулись к коту.

Стюард ничего не заметил и бодро рассказывал про расписание завтраков. Коридор повернул, мужчина остался позади, но Элоиза ещё долго чувствовала его взгляд между лопатками, там, где корсет был затянут туже всего.

Она шла и повторяла про себя всё, что знала наверняка.

Меня зовут Элоиза. Я пишу книги. Утром я была в Париже. Я пошла за котом. Я нашла брошь, которую знаю, хотя никогда её не видела. Какой-то мужчина смотрел на нас так, будто ждал. Теперь я здесь.

Этого было мало. Но она держалась за это, как за перила.

Каюта оказалась бело-золотой, с голубыми шёлковыми креслами и лепной гирляндой под потолком. На туалетном столике стояли лилии. На кровати лежало вечернее платье, которого Элоиза никогда не видела, аккуратно разложенное чьими-то руками.

— Кто это приготовил?

— Так было заказано, мадемуазель, — растерялся стюард. — Всё оплачено заранее.

— Кем?

— Я… не знаю, мадемуазель. Могу узнать.

— Не нужно. Спасибо.

Когда дверь закрылась, Луи обошёл каюту по периметру, обнюхал оба кресла, выбрал левое и с достоинством в него запрыгнул. Покрутился, улёгся, положил морду на лапы.

Элоиза сняла шляпу. Руки дрожали — только теперь, когда никто не видел.

— Ты его видел, — сказала она. Это был не вопрос.

— Видел.

— Он смотрел на нас.

— На меня, — поправил Луи. — На тебя тоже, но значительно меньше. Прими мои соболезнования.

— Луи, я серьёзно. Он стоял там, будто ждал. Будто знал, что мы пойдём именно этим коридором. — Она положила шляпу на столик, рядом с лилиями. — И ты опустил хвост. Я видела.

Кот помолчал.

— Мышцы затекли. Долгий день. Париж, пароход, лестницы.

— Ты его знаешь?

На этот раз Луи молчал дольше. Он смотрел не на неё, а куда-то в угол под потолком.

— Не уверен, — сказал он наконец.

Сказал просто, без шпильки, и Элоиза сразу поверила.

Она села во второе кресло, напротив кота. Очень прямо — корсет иначе не позволял.

— У него было такое лицо, — сказала она, медленно подбирая слова. — Как будто он что-то потерял. Давно. И всё ещё ищет, хотя уже не помнит что.

— Писатели, — вздохнул Луи. — Один взгляд в коридоре — и готова биография.

— А ты что увидел?

— Хорошее пальто. И плохие манеры. Порядочные люди не пялятся на чужих котов.

В дверь постучали.

Три удара, негромких, но отчётливых. Элоиза вздрогнула. Луи не шевельнулся, только уши медленно развернулись к двери.

Стук повторился.

Элоиза пересекла каюту и открыла.

В коридоре стоял он. Уже без пальто, в тёмном костюме, с тростью. В жёлтом свете лампы лицо казалось ещё резче, а глаза ещё светлее. Вблизи Элоиза разглядела у виска тонкую седую прядь и складку между бровями, как у человека, который давно плохо спит.

— Прошу прощения, мадемуазель, — сказал он. Голос был низкий, спокойный, с хрипотцой. — За поздний визит.

Элоиза ждала, что он представится. Он не представился.

Он смотрел мимо неё — в каюту, на голубое кресло, на рыжий клубок с белыми лапами.

— Я хотел убедиться, что это он.

Луи не поднял головы и не открыл глаз. Только кончик хвоста коротко дёрнулся.

— Ну что, убедился? Я хочу спать.

Элоиза застыла.

Мужчина услышал — она это видела: дрогнул уголок рта, чуть сузились глаза. Удивления в лице не было. Только узнавание, как при старой шутке, которую давно никто не повторял.

Несколько секунд он молча смотрел на кота. Потом перевёл взгляд на Элоизу, на её лицо, на брошь с сине-зелёным камнем, и на секунду ей показалось, что он хочет что-то сказать.

— Доброй ночи, мадемуазель.

Он слегка наклонил голову, повернулся и ушёл. Трость негромко постукивала по ковру, пока шаги не стихли за поворотом.

Элоиза закрыла дверь и постояла, прислонившись к ней спиной.

— Он тебя слышит.

— Похоже на то, — сказал Луи, не открывая глаз.

— Кроме меня, тебя никто не слышит. Ни та дама на катере, ни стюард. Никто.

— Значит, он не никто.

— Тогда кто?

Кот приоткрыл один голубой глаз и посмотрел на неё внимательно.

— Я же сказал: я хочу спать. Спроси завтра. Может, завтра я буду знать больше. Или хотя бы буду сытым, а это почти одно и то же.

И закрыл глаз.

Где-то наверху, над палубами и трубами, над тёмной водой Шербура, низко прогудел гудок. Пол едва заметно качнулся.

Корабль снимался с якоря.

Элоиза подошла к окну. Огни берега медленно отступали в темноту. Она коснулась броши — камень был тёплым — и вдруг поймала себя на том, что повторяет утреннюю строчку, ту, на которой застрял роман:

«Она не помнила, когда видела его впервые».

Утром у этой строчки не было лица.

Теперь было.

Глава 2. Правила приличия

Во второй раз постучали через час.

Элоиза всё ещё стояла у окна. Она не переоделась, не сняла перчаток и не могла заставить себя отойти от стекла. За ним было море — чёрное, без единого огонька. Только пена у борта белела в свете иллюминаторов. Корабль шёл сквозь темноту ровно, не замечая волн.

— Если это опять тот тип с тростью, — сказал Луи из кресла, — скажи ему, что я занят.

— Чем?

— Размышляю о тщетности бытия. И о том, что давно пора поесть.

В дверь постучали снова — на этот раз коротко и деловито.

Элоиза открыла. На пороге стоял молодой стюард с веснушчатым лицом. На серебряном подносе он держал кремовый конверт.

— Для мадемуазель Мерсье.

Он поклонился и протянул поднос. Элоиза взяла конверт. Бумага была плотная, шероховатая, ручной выделки. Клапан запечатывал тёмно-красный сургуч. На нём была оттиснута буква «А».

Та же буква, те же засечки, тот же наклон перекладины. Печать и брошь будто делал один мастер.

— Луи.

Кот не ответил. Элоиза обернулась.

Он больше не лежал клубком. Он сидел в кресле прямо, как египетская статуэтка, и смотрел на красную печать.

И молчал. Ни шутки, ни колкости, ни привычного «я хочу спать». Элоиза знала его меньше суток — если, конечно, знала его меньше суток, — но уже поняла: когда Луи молчит, это страшнее, чем когда он говорит.

— Ты видел эту печать раньше.

Кот отвёл взгляд.

— Открывай. Письма для того и пишут.

Сургуч поддался неохотно, с сухим щелчком, и треснул ровно пополам, по перекладине буквы. Одна половина осталась на клапане, другая упала на ковёр вместе с мелкими крошками, похожими на красные зёрна. Элоиза развернула сложенную вдвое карточку.

Мадемуазель Мерсье приглашается к ужину завтра, 11 апреля, в половине восьмого вечера. Обеденный салон первого класса. Столик № 7.

И всё. Ни подписи, ни инициалов. Только буква на печати, теперь разломанная надвое.

— Меня приглашают на ужин, — сказала Элоиза. Голос прозвучал глупо, и она это слышала. — Тот, кто оплатил эту каюту. Тот, кто подписывается буквой с моей броши. Которую я пару часов назад нашла в луже.

— Которую ты нашла, — повторил Луи, и в этом повторе было что-то, чего она не поняла.

— Это он? Тот человек в коридоре?

— Не знаю.

— Луи.

— Я правда не знаю. — И на этот раз она ему поверила. — Печать знаю. Почерк… — Он запнулся. — Не уверен. И это, если хочешь знать, беспокоит меня куда больше, чем мужчина с плохими манерами.

Он спрыгнул с кресла, подошёл и внимательно обнюхал красные крошки на ковре. Потом чихнул.

— Странно. Письмо свежее, а сургуч пахнет так, будто пролежал в ящике лет сто.

* * *

В ту ночь Элоиза почти не спала.

Сначала она долго не могла понять, как всё это с себя снять. Жакет на тугих крючках, юбка, нижняя юбка, ещё одна нижняя юбка, а под ними корсет, зашнурованный на спине. На спине! Кто это придумал? Люди, у которых были горничные. Она вертелась перед зеркалом, заводила руки за спину, пока не заныли плечи, и в конце концов справилась, сломав ноготь и потеряв остатки достоинства. Луи наблюдал из кресла с видом театрального критика на провальной премьере.

— В следующий раз позвони горничной. Тут для этого есть кнопка. Ты её уже три раза задела локтем.

Потом, в тонкой ночной сорочке из ящика комода — тоже кем-то заранее приготовленной, — Элоиза села на край кровати и сделала то, что делала всегда, в любой беде.

Она стала писать.

На столике лежала стопка бумаги с красным флажком White Star Line, рядом — перьевая ручка и чернильница. Пером Элоиза не писала со школы. Первые строчки вышли кривыми, с кляксой, потом рука вспомнила.

Что я знаю наверняка.

1. Меня зовут Элоиза. Я писательница. Я живу в Париже. Сегодня утром там шёл дождь.

2. Кот Луи говорит. Его слышу я. И мужчина в коридоре.

3. Я не помню, как сюда попала. Мы шли по набережной, звонил колокол. Потом Шербур.

4. Брошь. Я её знаю. Знаю царапину на обороте. Никогда раньше её не видела.

5. Корабль называется «Титаник». Самый большой в мире. Кто-то очень хотел, чтобы я оказалась именно на нём.

6. Кто-то оплатил каюту, платье, билет. Кто-то пригласил меня на ужин. На печати та же буква.

7. Мужчина. Около сорока. Серые глаза. Трость. Смотрел на Луи так, будто давно его искал.

Она остановилась и перечитала. Потом дописала, мельче, почти неразборчиво:

8. Когда он посмотрел на меня, мне показалось, что я должна его узнать.

На эту строчку она смотрела долго. Потом сложила лист вчетверо и спрятала в ящик туалетного столика, под перчатки, подальше.

Корабль шёл сквозь ночь, и пол едва заметно дрожал. За стеной тикали часы. Луи спал в кресле рыжим кольцом и иногда подёргивал лапой — ему что-то снилось. Элоиза лежала в темноте с открытыми глазами и слушала, как дышит огромный корабль.

Уснула она лишь тогда, когда за окном начало светать.

* * *

Ей снился дождь.

Обычный парижский дождь — по жестяному карнизу, под шум машин внизу и запах кофе с кухни. Она лежала в своей постели, под своим одеялом, и точно знала, что сейчас встанет, откроет ноутбук и наконец допишет ту самую строчку.

Она даже знала, как её закончить. Слова были совсем рядом, на кончике языка…

Элоиза открыла глаза.

Белый потолок. Лепная гирлянда: лавровые листья, ленты, крошечные вазы.

Дождя не было. Снизу шёл ровный гул, который скорее чувствовался, чем слышался, — весь мир слегка вибрировал на одной ноте. А за окном вместо серых парижских крыш сияла вода. Утреннее солнце отражалось от её поверхности и заливало каюту золотом.

Ещё секунды три Элоиза надеялась, что всё это ей снится.

Потом заметила на кресле рыжий хвост.

— Доброе утро, — сказал Луи, не открывая глаз. — Тебе снился дом. У тебя после таких снов всегда такое лицо. Как будто тебя обокрали.

— Откуда ты знаешь, какое у меня лицо?

— Я кот. Я знаю всё про лица. Это единственное, что в людях действительно интересно.

Элоиза села на кровати. Посмотрела на ящик, в котором лежал сложенный лист. На красные крошки сургуча на ковре. На карточку с приглашением.

Столик номер семь.

— Сегодня вечером.

— Сегодня вечером, — согласился Луи. — А до вечера тебе нужно научиться быть дамой. Иначе тебя разоблачат раньше, чем подадут суп.

— Я и так дама.

Кот открыл глаза и выразительно оглядел её: ночная сорочка, спутанная коса, босые ноги, сломанный ноготь.

— В двадцать первом веке — возможно.

* * *

На этот раз Элоиза позвонила горничной.

Кнопка оказалась там, где и говорил Луи, у изголовья кровати: латунная, с перламутровой серединкой. Через несколько минут постучали. Вошла женщина лет пятидесяти в тёмном платье и накрахмаленном белом переднике. Даже лицо у неё, казалось, было накрахмаленным.

— Доброе утро, мадемуазель. Миссис Прайс, ваша стюардесса. Чем могу быть полезна?

— Мне нужна помощь. С… одеждой.

Миссис Прайс ничуть не удивилась. Она открыла шкаф, о существовании которого Элоиза вчера даже не подозревала, и показала на платья. Пять или шесть. Все её размера. Все словно подобранные заранее.

— Для утренней прогулки я бы предложила вот это, мадемуазель.

Она сняла с вешалки светлое платье в тонкую серую полоску.

— Погода прекрасная, но на палубе ветрено. И к нему жакет.

То, что произошло дальше, Элоиза впоследствии назвала самой унизительной и одновременно самой познавательной четвертью часа в своей жизни.

Миссис Прайс шнуровала корсет с деловитостью моряка, крепящего парус. Элоиза держалась за столбик кровати и старалась дышать. Затем последовали нижние юбки. Потом платье с семнадцатью крошечными пуговицами на спине. Элоиза считала их на слух, пока стюардесса застёгивала одну за другой.

Затем причёска: коса, уложенная низко на затылке, и шпильки, которые миссис Прайс вкалывала быстро и точно, не глядя.

Элоиза наблюдала за ней глазами человека, который однажды всё это опишет. Красные руки с мелкими трещинками, коротко остриженные ногти, запах крахмала и лавандового мыла. Шпильки во рту — и при этом женщина умудрялась говорить. И ни разу не спросила, почему дама первого класса не умеет одеваться самостоятельно.

Писательская привычка помогала лучше корсета. Пока Элоиза запоминала детали, ей было не так страшно.

— Брошь, мадемуазель?

Миссис Прайс взяла украшение со столика и подняла к свету.

— Очень красивая. Старинная работа. Приколоть на воротник?

— Да, пожалуйста.

Пальцы стюардессы на мгновение задержались на броши.

— Моя бабушка говорила, — произнесла она вдруг тихо, совсем не тем служебным голосом, которым говорила до этого, — что у старых вещей бывает память. Что они помнят, кто их носил.

Элоиза посмотрела на неё в зеркало.

— И что они помнят?

Миссис Прайс словно смутилась собственных слов. Её лицо снова стало непроницаемым.

— Глупости, мадемуазель. Старушечьи разговоры.

Она ловко приколола брошь к кружевному воротнику и отступила на шаг.

— Вот и всё. Вы прекрасно выглядите.

Когда стюардесса ушла, Элоиза ещё какое-то время смотрела в зеркало.

Из него на неё смотрела молодая женщина из другого века: прямая спина, тонкая талия, высокий воротник, строгая причёска. И только глаза оставались её собственными — серо-зелёными, растерянными, живыми.

— Ну вот, — сказал Луи за её спиной. — Теперь ты похожа на даму. Осталось научиться ею быть.

* * *

Урок начался сразу за порогом.

Элоиза потянулась к дверной ручке и услышала за спиной сухое покашливание.

— Нет.

— Что «нет»?

— Дамы первого класса не открывают двери сами. Для этого есть стюарды, мужья, поклонники и, на худой конец, сквозняк.

— Здесь никого из них нет.

— Тогда стой у двери с таким видом, будто она сейчас откроется сама. И она откроется. Тут вечно кто-нибудь пробегает мимо.

Элоиза посмотрела на кота. Кот посмотрел на неё.

Она открыла дверь сама.

— Двадцать первый век, — вздохнул Луи и первым вышел в коридор, задрав хвост.

Днём коридор выглядел совсем иначе: светлый, шумный, полный людей. Стюарды несли подносы с утренним чаем. Прошла дама в огромной шляпе с перьями, за ней горничная несла болонку. Увидев Луи, собака разразилась истеричным лаем.

Кот даже не повернул головы.

— Вульгарное животное, — заметил он вполголоса. — И хозяйка не лучше.

— Ты её не знаешь.

— Я видел, как она держит собаку. Этого достаточно.

Они вышли к лестнице, и Элоиза остановилась.

Она видела множество лестниц — мраморных в музеях, кованых в старых парижских домах. Эта была колодцем света, прорезавшим корабль сверху донизу.

Высоко над головой сиял стеклянный купол. Утреннее солнце золотило резные дубовые перила, бронзовые светильники и завитки балюстрады. Широкие ступени спускались плавной дугой, словно шлейф бального платья. Пахло воском, полированным деревом и чем-то ещё — новизной.

Ни царапины, ни потёртости — будто корабль родился вчера.

Он и родился вчера, подумала Элоиза. И не поняла, почему от этой мысли ей стало холодно.

На верхней площадке в резной дубовой панели висели часы. По обе стороны от циферблата склонились две женские фигуры: одна держала лавровый венок, другая — пальмовую ветвь. Казалось, они собирались короновать само время.

— Что это? — спросила Элоиза.

— «Честь и Слава венчают Время», — ответил Луи. — Так называется композиция. Людям очень нравится думать, что время можно чем-нибудь увенчать.

— А на самом деле?

Кот сел на верхней ступеньке и смотрел на часы. В его взгляде было что-то непонятное.

— На самом деле время само венчает кого захочет. Обычно без спроса.

Элоиза хотела спросить, что он имеет в виду, но по лестнице поднялся пожилой господин с седыми бакенбардами. Поравнявшись с ней, он приподнял шляпу.

— Доброе утро, — сказала Элоиза и улыбнулась.

Господин замер на полушаге. На лице отразилось лёгкое, но несомненное изумление, словно с ним заговорила статуя. Он неловко кивнул, пробормотал что-то и поспешил дальше.

— Что я сделала не так? — шёпотом спросила Элоиза.

— Заговорила первой, — так же шёпотом ответил Луи. — С незнакомым мужчиной, которому тебя не представили. На лестнице.

— Но он сам приподнял шляпу!

— Он тебя поприветствовал. А ты должна была молча и слегка наклонить голову. Будь вы знакомы, могла бы улыбнуться. Хорошо знакомы — сказать «доброе утро». Но первой — никогда.

— Это абсурд.

— Это тысяча девятьсот двенадцатый год. Абсурд здесь называется хорошими манерами. Бедный старик теперь весь день будет гадать, не француженка ли ты лёгкого поведения.

— Я и есть француженка.

— Вот видишь. Половина догадки уже подтвердилась.

Элоиза посмотрела на него сверху вниз так, что любой другой кот давно спрятался бы под диван. Луи невозмутимо принялся вылизывать лапу.

* * *

К одиннадцати Элоиза выучила больше правил, чем за всю предыдущую жизнь.

Дама не снимает перчаток на людях — только за столом и только для еды. Это Элоиза узнала, когда стянула перчатку, чтобы погладить нагретое солнцем дерево поручня на прогулочной палубе. Две дамы в шезлонгах обменялись взглядами, после которых ей захотелось надеть перчатку обратно, а поверх неё — ещё одну.

Дама не ходит быстро. Не оглядывается по сторонам. Не смеётся громко. Не сидит нога на ногу, а лучше вообще делает вид, что ног у неё нет. Дама не спрашивает у стюарда, который час: у неё для этого есть часики на цепочке или джентльмен с часами.

— А что дама вообще может? — спросила Элоиза.

Она сидела в шезлонге на прогулочной палубе, укрытая пледом, который палубный стюард принёс, даже не дожидаясь просьбы.

— Скучать, — сказал Луи.

Он устроился у неё в ногах, поверх пледа, на самом солнечном месте.

— Очень изящно скучать. Этим они здесь и заняты. Посмотри вокруг.

Элоиза посмотрела.

Дамы в шезлонгах читали, дремали, негромко переговаривались. Джентльмены прохаживались вдоль борта, курили и смотрели на море. Мальчик в матроске гонял по палубе деревянный волчок, а няня строго что-то шептала ему.

Солнце, ветер, чайки, сверкающая вода до самого горизонта.

Всё вокруг было таким мирным, таким уверенным в себе, что у Элоизы непонятно отчего защемило сердце.

И среди всех этих лиц она, сама того не желая, искала одно.

Тёмные волосы. Серые глаза. Трость с латунным набалдашником.

Его нигде не было. Ни на лестнице, ни в коридорах, ни на палубе. Будто вчерашний вечер ей приснился.

— Ты его ищешь, — сказал Луи, не открывая глаз.

— Нет.

— Ты оглядываешься на каждого мужчину в тёмном костюме. Их здесь примерно двести. Заработаешь кривую шею.

— Я просто смотрю на людей. Я писательница. Мне это нужно для работы.

— Разумеется. Для работы.

* * *

Около половины двенадцатого корабль сбавил ход.

Гул снизу стал глуше, затем почти смолк. Пассажиры потянулись к борту. Элоиза тоже поднялась — медленно, как полагалось даме, хотя ей хотелось бежать.

Впереди, за сверкающей полосой воды, лежала земля. Нежно-зелёная, какой, казалось, не бывает нигде, кроме Ирландии: холмы в лёгкой дымке, серые скалы, белая полоска маяка на мысу. Навстречу кораблю уже шли два маленьких пароходика, дымя и переваливаясь на волнах.

— Квинстаун, — сказал кто-то рядом. — Последняя остановка. Дальше Нью-Йорк.

Последняя остановка.

От этих слов у Элоизы похолодели пальцы — даже в перчатках.

Пароходики подошли к борту. Поднялись новые пассажиры — в основном бедно одетые люди с узелками и деревянными сундучками. Их сразу увели куда-то вниз.

Следом на палубу шумной пёстрой толпой хлынули торговцы. Женщины в клетчатых шалях раскладывали прямо на палубе ирландские кружева — белые, тонкие, как пена. Дамы из шезлонгов тут же слетались к ним, забыв о всяком достоинстве. Мужчины предлагали вересковые трубки, открытки и безделушки. Кто-то смеялся, кто-то торговался, мальчишка-газетчик выкрикивал заголовки.

Элоиза стояла у поручня и смотрела на зелёный берег.

— Можно сойти, — тихо сказал Луи у её ног. Без привычной иронии. — Катера пойдут обратно. Там Ирландия. Не худшее место, чтобы потеряться.

Она молчала.

— Я не говорю, что надо. Я говорю, что можно. Ты должна это знать. Выбор — это когда понимаешь, что можешь поступить иначе.

Элоиза коснулась броши. Камень был тёплым. Он всегда был тёплым, даже на холодном ветру.

Она подумала о карточке, оставленной в каюте. О столике номер семь. О красной печати с буквой «А». О серых глазах, которые смотрели на кота так, словно искали его много лет, а потом на мгновение обратились к ней.

И о строчке, которую она никак не могла дописать.

— Я останусь.

— Почему?

Ответ нашёлся не сразу. Потом Элоиза сказала правду, которую не сказала бы никому, кроме кота:

— Потому что мне впервые за много лет интересно, что будет дальше.

Луи ничего не ответил. Только на секунду прижался к её ноге тёплым пушистым боком — так, чтобы никто не заметил. А затем отошёл.

Около половины второго катера отвалили от борта. Торговки кружевами, пересчитывая выручку, махали с палубы уходящего пароходика. На корме кто-то заиграл на волынке — протяжно и так печально, что пассажиры у поручней притихли.

Корабль дал гудок, и гул снизу снова налился силой.

Зелёный берег медленно поплыл назад. Сначала превратился в узкую полоску, потом растворился в дымке на горизонте.

Потом осталось только море.

* * *

Вечером миссис Прайс снова пришла помочь Элоизе одеться.

На этот раз — к ужину.

То самое платье, которое накануне лежало на кровати: тёмно-синий, почти чёрный мягкий шёлк с глубоким вырезом. От плеч до талии поверх шёлка тянулось чёрное кружево ручной работы — виноградные листья и завитки, такие тонкие, что казались паутиной. Лиф украшали серебряная вышивка и крошечные бусины, мерцавшие, как изморозь.

К платью полагались длинные белые перчатки выше локтя.

Миссис Прайс уложила волосы Элоизы выше и пышнее, оставив у висков несколько свободных прядей. Сверху, в волосы, приколола эгретку — узкую вечернюю повязку в цвет платья с длинным изогнутым белым пером цапли.

— Сейчас так носят в Париже, мадемуазель, — сказала она, поправляя перо. — Все дамы будут смотреть. И завидовать.

— Брошь?

— Да, пожалуйста.

Миссис Прайс приколола её в центр выреза, там, где тёмный шёлк сходился острым мысом.

На тёмном шёлке сине-зелёный камень казался глубже, а золотые искры внутри вспыхнули от света лампы.

— К этому платью лучше не придумаешь, — сказала миссис Прайс, отступив на шаг. — Будто для него и сделана.

Или платье для неё, подумала Элоиза. И не стала спрашивать, кто подбирал их обоих.

Когда стюардесса ушла, в каюте стало очень тихо.

На часах было семь минут восьмого. Конверт с приглашением лежал на туалетном столике. Рядом, на блюдечке, — отколовшаяся половинка печати и красные крошки. Утром Элоиза зачем-то собрала их с ковра, все до одной, словно это были осколки чего-то, что ещё могло пригодиться.

— Правила ужина, — объявил Луи, запрыгнув на столик и усевшись рядом с блюдечком. — Слушай внимательно. Повторять не буду.

Он загнул лапу.

— Входишь, стюард ведёт тебя к столу. Садишься, когда джентльмен отодвинет стул. Перчатки снимаешь, только когда сядешь. Вилок будет много — бери снаружи внутрь. Не знаешь, что делать, — смотри на самую пожилую даму за столом и поступай так же. Не говори о деньгах, политике и о том, откуда ты на самом деле. Особенно о последнем.

— А если он спросит?

— Кто «он»?

Элоиза не ответила.

Луи посмотрел на неё внимательно.

— Если спросит, ответишь так, как отвечают дамы. Изящно и ничего не сказав. Это главное умение нашего века. Возможно, единственное, которому стоит поучиться.

Элоиза надела длинные прохладные перчатки. Убрала приглашение в маленькую вечернюю сумочку и в последний раз посмотрела в зеркало.

— Ты идёшь со мной?

— В обеденный салон? Коту? — Луи фыркнул. — Там сидят люди, которые считают, что животным место в трюме. Не доставлю им такого удовольствия.

— Значит, я иду одна.

— Ты никогда не бываешь одна, — сказал Луи.

И тут же, будто пожалев о сказанном, добавил:

— И не опаздывай. Хотя нет, опоздай. На пять минут. Приходить вовремя к незнакомцам подозрительно.

Было двадцать пять минут восьмого.

Элоиза подождала пять минут. Ровно пять. Слушала, как тикают часы, как гудит под полом корабль, как стучит сердце — медленно и ровно, будто оно знало что-то, чего не знала она.

Потом Элоиза открыла дверь — сама — и пошла по белому коридору туда, где её ждал столик номер семь.

Глава 3. Столик № 7

Обеденный салон первого класса оказался огромным.

После лестницы под стеклянным куполом Элоиза думала, что её уже ничем не удивить. Но здесь было столько света, что она невольно зажмурилась. Зал занимал всю ширину корабля, и всё в нём казалось белым: стены, колонны, потолок с лепниной — глубокой и затейливой, словно узор на свадебном торте. Горели сотни ламп. В высоких окнах со свинцовыми переплётами дрожали отражения, и зал будто висел в темноте над морем.

Ровные ряды столов под белоснежными скатертями. Серебро, хрусталь, живые цветы. Из приёмного салона за дверями доносилась музыка — что-то лёгкое и незнакомое.

И люди. Столько вечерних платьев и фраков, что зал гудел — негромко, благовоспитанно, но не умолкая.

Элоиза остановилась на пороге. На секунду у неё закружилась голова.

— Мадемуазель?

Рядом возник метрдотель — седой и безупречный.

— Позвольте ваше приглашение.

Она протянула карточку. Метрдотель взглянул на неё, и в лице его мелькнуло любопытство, которое он тут же спрятал за профессиональной вежливостью.

— Столик номер семь. Прошу за мной.

Они двинулись через зал. Элоиза чувствовала на себе взгляды — короткие, скользящие, какие достаются новому лицу в давно знакомом обществе. Она держала спину прямо — спасибо корсету — и смотрела перед собой. Дама не оглядывается по сторонам.

Шёлк тихо шелестел. Брошь у выреза ловила свет.

Столик номер семь стоял у окна, чуть в стороне от остальных, в нише между двумя колоннами. На двоих.

За ним сидел он.

Увидев её, мужчина поднялся — не сразу. Сначала на долю секунды замер, будто не был уверен, что она действительно подойдёт.

Фрак, белая манишка, белый галстук-бабочка. Тёмные волосы, зачёсанные назад. Серые глаза. Трость стояла у колонны.

При ярком свете Элоиза разглядела то, чего не заметила вчера в коридоре: тени под глазами, слишком резкие скулы. Усталость, которую не снимает одна хорошая ночь.

Метрдотель отодвинул стул. Элоиза села, как учил Луи: не опускаясь, а будто стекая вниз. Метрдотель поклонился и исчез.

Мужчина тоже сел. Некоторое время они молча смотрели друг на друга сквозь хрусталь и маленькую вазу с белыми розами.

Первым заговорил он.

— Значит, это вы.

— Что — я?

Он достал из внутреннего кармана кремовый конверт с рваным краем, вынул карточку и положил на скатерть между ними.

Та же плотная бумага. Тот же наклонный почерк.

Приглашаетесь к ужину 11 апреля, в половине восьмого вечера. Обеденный салон первого класса. Столик № 7.

Рядом лёг конверт. На клапане темнела половина красной печати с половиной буквы «А». Вторая половина, должно быть, откололась, когда он вскрывал конверт.

Элоиза смотрела на обломки печати, и под корсетом по спине медленно пополз холод.

— Я думал, это вы меня пригласили, — сказал он.

Она открыла сумочку, достала свой конверт — точно такой же — и положила рядом. На его клапане тоже сохранилась половина печати.

Два конверта. Одна рука. Две половинки буквы «А».

— А я думала — вы.

Он молчал. Смотрел на конверты, на карточки, потом медленно перевёл взгляд на брошь у неё на груди. И задержал его.

— Нет, — наконец произнёс он. — Не я.

* * *

Подошёл официант. Меню было напечатано на плотной карточке с красным флажком White Star Line. Элоиза читала его, не понимая почти ничего, хотя большинство названий были французскими.

Устрицы. Консоме. Палтус под голландским соусом. Говяжья вырезка. Жареный цыплёнок. Спаржа. Шарлотка по-русски. Мороженое.

Десять перемен.

Десять, — с ужасом подумала она. И всё это в корсете.

Мужчина заказал за обоих — спокойно, не заглядывая в меню, словно делал это не впервые. Официант поклонился и ушёл.

— Надеюсь, вы не против. Вы смотрели на меню, как на приговор.

— В каком-то смысле так и есть, — ответила Элоиза и тут же прикусила язык: дамы не шутят о своём белье с незнакомыми мужчинами.

Но он улыбнулся. Едва заметно, одним уголком рта.

— Корсет?

Щёки у неё вспыхнули.

— Это неприличный вопрос, месье.

— Прошу прощения, — сказал он без малейшего раскаяния. — Кажется, я плохо знаю, что здесь прилично.

Здесь.

Элоиза зацепилась за это слово, как перо за неровность бумаги.

— Здесь?

Он помолчал. Взял бокал с водой и повертел его в пальцах. Пальцы были длинные, сильные, с тонким белым шрамом поперёк указательного.

— Мадемуазель, я сейчас скажу вам странную вещь. Вы вправе решить, что я сумасшедший. Но, по-моему, вы единственный человек на этом корабле, которому я могу об этом сказать.

— Почему?

— Потому что ваш кот разговаривает. И вы его слышите.

Элоиза не ответила.

Официант принёс консоме в тонких фарфоровых чашках и снова исчез. Она не притронулась к ложке.

— Я не помню, кто я, — сказал мужчина.

Он произнёс это просто, без всякой драмы, словно сказал: «Не помню, где оставил зонт». Только пальцы крепче сжали ножку бокала.

— Совсем?

— Совсем. Я проснулся вчера утром в каюте на этом корабле. Он ещё стоял в Саутгемптоне. Одежда на мне, одежда в шкафу, в кармане деньги и билет. На билете — только номер каюты. Ни имени, ни документов, ни писем, ни фотографий. Будто кто-то тщательно вычистил мне карманы, прежде чем положить меня туда.

— И вы ничего не помните?

— Помню, как завязывать галстук. Как держать вилку. Какой из этих бокалов предназначен для воды, а какой — для вина.

Он кивнул на хрусталь.

— Помню, что лепнину на этом потолке отливали по деревянным шаблонам и крепили к каркасу латунными штырями: от вибрации корабля гипс трескается. Что колонны за нашей спиной только притворяются декоративными: внутри стальные стойки, и они держат всю палубу над нами. Что пропорции этого зала на два фута не дотягивают до идеальных, и архитектор это знал, но спрятал ошибку в ритме окон.

Элоиза обернулась — медленно, как положено даме, — и посмотрела на окна.

Ритм. Сама она никогда бы этого не заметила. Но теперь увидела: окна стояли чуть теснее к центру, совсем немного, и благодаря этому зал казался шире, чем был на самом деле.

— Откуда вы это знаете?

— Не знаю. В этом всё и дело. Я знаю, как устроено здание. Как устроен корабль. Смотрю на любую стену и вижу, из чего она сделана, на чём держится, где у неё слабое место. Я знаю тысячу вещей, мадемуазель. Не знаю только, кто их знает.

Элоиза смотрела на него через стол. На усталые серые глаза. На седую прядь у виска. На пальцы, сжавшие бокал так, что побелели костяшки.

Писательница в ней отметила: он не жалуется — докладывает. Как врач, описывающий собственную болезнь.

А у самой Элоизы вдруг сжалось сердце. И это была не жалость. Для этого чувства у неё пока не было названия.

— А как вас зовут?

— Стюард зовёт меня «сэр». Метрдотель — «месье». Я не спорю.

Он наконец отпустил бокал.

— Другого имени у меня нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.